

УДК 314:39(470.51)

С. Н. Уваров

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И АССИМИЛЯЦИОННЫЕ
ПРОЦЕССЫ СРЕДИ УДМУРТОВ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА***

На основе значительного массива статистических данных, впервые вводимых в научный оборот, в статье анализируются воспроизводственные (рождаемость, смертность, естественный прирост) и ассимиляционные процессы среди удмуртов Удмуртской Республики в 1958–1996 гг., когда число рождений сократилось более чем в 3 раза. Особенно сильно рождаемость падала в 1960-е гг. и в перв. пол. 1990-х. Смертность же на протяжении того же периода неуклонно росла, особенно – в 1970-е гг. Тем не менее временами наблюдалось снижение смертности, самое заметное – в годы перестройки, в результате антиалкогольной кампании. В 1993 г. естественный прирост удмуртского населения сменился убылью. В целом в результате превышения рождаемости над смертностью за 1958–1996 гг. (без 1981 г.) естественный прирост у удмуртов в Республике составил 197114 чел. Поскольку, по данным переписей, численность удмуртов республики за 1959–2002 гг. сократилась на 15329 чел., можно предположить, что они были активно втянуты в ассимиляционные процессы. Также в статье рассчитаны относительные показатели и проведен сравнительный анализ рождаемости, смертности, естественного прироста у русских, удмуртов и татар Удмуртии в 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Рождаемость у удмуртов республики весь рассматриваемый период была гораздо выше, чем у русских или татар и в городах, и в сельской местности. Смертность тоже была выше, но в городских поселениях коэффициент относительной смертности у удмуртов был одним из самых низких. Естественный прирост среди удмуртов был намного выше, чем у русских весь рассматриваемый период. С татарами наблюдался паритет: в 1959-м и 1989-м удмурты немного опередили татар; в 1970-м и 1979-м – уступили.

Ключевые слова: этнодемографические процессы, население, финно-угорские народы, удмурты, Удмуртия, рождаемость, смертность, естественный прирост, ассимиляция.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект «Исследование этнодемографического развития Удмуртии в XX – начале XXI века в целях сохранения полиэтнического многообразия и этнополитической стабильности» №16-11-18005.

Демографическое развитие финно-угорских народов не раз становилось предметом изучения [см. напр.: Ежова, Стрелков 2010; Логинова, Реброва 2013; Мясникова 2015; Фаузер 2011, Шабаев 2005; Lallukka 1990]. Особый интерес для исследователей представляет кон. XX – нач. XXI в., что неудивительно. За 1989–2002 гг. финно-угорская группа в целом уменьшилась на 480,3 тыс. чел., хотя даже за период 1939–1959 гг., на который выпала Великая Отечественная война, сокращение составило 335,9 тыс. чел. В 2002–2010 гг. она уменьшилась еще на 390,9 тыс. чел. [Фаузер 2011, 116; Логинова, Реброва 2013, 91]. Однозначного ответа, почему это произошло, – дать невозможно. Для аргументированных выводов необходимо проанализировать ряд демографических процессов, таких как естественное движение, результативность этнической миграции и ассимиляционные процессы. По мнению В. В. Фаузера, для ответов на поставленные временем вопросы о дальнейшей судьбе финно-угорских народов нужно провести исследования во всех субъектах их проживания [Фаузер 2011, 122]. Очевидно, что рассматривать нужно не только нынешнее положение, но и более ранний период.

Один из важнейших демографических процессов, влияющих на численность народа, – воспроизводство. Изучать его проблематично, поскольку последние статистические материалы, характеризующие этническую рождаемость и смертность, были опубликованы в 1920-е гг. Поэтому исследователи анализируют в основном показатели по населению того или иного финно-угорского региона в целом. Между тем с кон. 1950-х гг. после долгого перерыва возобновилась практика сбора текущей статистики воспроизводства по отдельным национальностям, но она не публиковалась. Так, в Центральном государственном архиве УР хранятся материалы, показывающие естественное движение самых многочисленных этнических групп республики вплоть по 1996 г. (за более современный период данные не отложились). Исключением явился лишь 1981 г., когда учет этнического воспроизводства не проводился. Очевидно, в архивах других регионов имеются аналогичные материалы. Эти неопубликованные источники позволяют в полной мере отследить ежегодную динамику рождаемости и смертности финно-угорских народов практически на всем протяжении вт. пол. XX в. В определенной мере материалы текущей статистики помогут и в изучении ассимиляционных процессов.

К крупнейшим в России этническим группам относятся удмурты, занимающие среди финно-угорских народов второе место после мордвы. Рассмотрим демографические и ассимиляционные процессы среди представителей титульной нации в Удмуртии, где сконцентрирована большая их часть. По переписи 2010 г. в Республике было сосредоточено 74,3 % удмуртов, проживавших в стране [Финно-угорский мир 2012, 29].

Этническим аспектам воспроизводства населения Удмуртии посвящен ряд исследований [Ежова 2014; Сумачева 2009, 95–113; Удмурты 1993, 57–65; Христолюбова 2002; Чернышева 2001; Lallukka 1990, 166–173], однако они основаны на ограниченной источниковой базе. Авторы оперируют в них лишь материалами переписей либо данными текущей статистики, характеризующими естественное движение населения Удмуртии в целом. Первые позволяют узнать среднее число рожденных детей у удмуртского населения на момент проведения переписи [см. напр.: Христолюбова 2002; Чернышева 2001]; вторые – рождае-

мость и смертность в районах преимущественного проживания удмуртов [см. напр.: Ежова 2014]. Сравнивая рождаемость удмуртов в 1926 и 1958–1959 гг., Н. Н. Ежова упоминает статистические справочники ЦСУ РСФСР за 1926 и 1960 гг., но ссылок на них не делает [Ежова 2014, 22]. Использовалась также медицинская статистика, что позволило ученым из Ижевской государственной медицинской академии проанализировать смертность удмуртов, правда, уже касательно нач. XXI в. [Об этнической смертности...].

На ассимиляционные процессы среди удмуртов одним из первых обратил внимание К. И. Куликов [Куликов 1988]. О данной проблеме писали также Г. К. Шкляев [Удмурты 1993, 330–332], В. Е. Владыкин, Л. С. Христюлова [Владыкин, Христюлова 1997]. Этот аспект в ряде работ рассматривал В. С. Воронцов [Воронцов 1997; 1999]. По мнению ученых, **главным каналом в ассимиляционных процессах выступают межэтнические браки**; большую роль в смене этнической идентичности играет также языковая ассимиляция. Однако никто из них не оценивал масштабы ассимиляционных процессов среди удмуртов.

Таким образом, можно констатировать, что заявленная нами тема практически не изучена. Отсутствие данных о естественном движении и ассимиляционных процессах среди удмуртов не позволяет делать надежные выводы. В результате появляются утверждения, к примеру, о том, что превышение смертности над рождаемостью – это основная причина сокращения численности титульной нации Удмуртии в 1989–2002 гг., но доказательства или источники не приводятся [см. напр.: Поздеев 2007, 89]. В больших по объему историко-этнографических очерках (2012 г.) этническая специфика воспроизводства населения Удмуртии не прослеживается [Удмуртская Республика 2012, 10–18].

Как видно из табл. 1, в настоящее время из трех самых крупных национальностей, проживающих в УР, удмурты находятся в наиболее сложном демографическом положении. С 1989-го по 2010 г. их численность сократилась сильнее всего – на 17,3 %. У русских за этот же период сокращение составило только 3,5 %, у татар – 10,6 %. Вследствие этого удельный вес удмуртов в Республике снизился до 27 %. Необходимо отметить также урбанизационные процессы, в которые во вт. пол. XX в. удмурты были втянуты наиболее активно. Доля проживавших в городах у них увеличилась сильнее всего (с 18,5 % в 1959 г. до 44,7 % в 1989 г.), в то время как русские и (особенно) татары уже стали в большинстве городскими нациями.

Таблица 1

Распределение городского и сельского населения Удмуртии по национальности

Год	Национальность	Все население		Городское население		Сельское население	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%
1959	Все национальности	1336927	100	593875	100	743052	100
	Русские	758770	56,8	440423	74,2	318347	42,8
	Удмурты	475913	35,6	87951	14,8	387962	52,2
	Татары	71930	5,4	48102	8,1	23828	3,2

1970	Все национальности	1417675	100	808611	100	609064	100
	Русские	809563	57,1	577064	71,4	232499	38,2
	Удмурты	484168	34,2	135847	16,8	348321	57,2
	Татары	87150	6,1	69170	8,6	17980	3,0
1979	Все национальности	1492172	100	975349	100	516823	100
	Русские	870270	58,3	678773	69,6	191497	37,1
	Удмурты	479702	32,1	180983	18,6	298719	57,8
	Татары	99139	6,6	82953	8,5	16186	3,1
1989	Все национальности	1605663	100	1119773	100	485890	100
	Русские	945216	58,9	762766	68,1	182450	37,5
	Удмурты	496522	30,9	221865	19,8	274657	56,5
	Татары	110490	6,9	94452	8,4	16038	3,3
2002	Все национальности	1570316	100	1094338	100	475978	100
	Русские	944108	60,1	756376	69,1	187732	39,4
	Удмурты	460584	29,3	204266	18,7	256318	53,9
	Татары	109218	7,0	93060	8,5	16158	3,4
2010	Все национальности	1521420	100	1052153	100	469267	100
	Русские	912539	60,0	715729	68,0	196810	41,9
	Удмурты	410584	27,0	173518	16,5	237066	50,5
	Татары	98831	6,5	82145	7,8	16686	3,6

Источник: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств [Эл. ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php>; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Население отдельных национальностей по возрастным группам и полу по субъектам Российской Федерации [Эл. ресурс]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>.

Динамика рождаемости, смертности и естественного прироста удмуртов в Удмуртии с 1958-го по 1996 год представлена в табл. 2. Отметим, что если во время переписи национальность записывалась по самоопределению, то текущая статистика определяла ее по паспорту. Для родившихся бралась национальность матери. По документам определялась национальность умершего (умершим младенцам приписывалась национальность матери). Важно также заметить, что статистические органы к сельскому населению относили жителей сельских населенных пунктов, а жители поселков городского типа и городов причислялись к городскому населению.

Рассмотрим сначала рождаемость. Для наглядности ее динамика представлена на рис. 1. Мы видим, что в кон. 1950-х гг. рождаемость среди удмуртов была на очень высоком уровне: превышала 17 тыс. чел. Львиная доля младенцев у удмуртских матерей появлялась в сельской местности (более 14 тыс. чел.).

С 1961 г. число родившихся быстро сокращается. Всего за 4 года (1961–1964 гг.) рождаемость упала до 11,5 тыс. чел. – более чем наполовину! Далее падение продолжилось, но уже не столь большими темпами. В итоге за одно лишь десятилетие удмуртов стало появляться на свет в 2 раза меньше (8,7 тыс. чел. в 1969 г. против 17,6 тыс. в 1960 г.). В целом по Республике в 1960-е гг. тоже сильно уменьшалось число рождений, но в чуть меньших масштабах [Естественное движение].

**Рождаемость, смертность, естественный прирост
у удмуртов Удмуртской Республики, чел.**

Год	Родилось (без мертворожденных)			Умерло (в знаменателе – умерших детей в возрасте до 1 года)			Естественный прирост		
	Городские поселения	Сельская местность	Вся республика	Городские поселения	Сельская местность	Вся республика	Городские поселения	Сельская местность	Вся республика
1958	2583	14614	17197	560/107	3926/774	4486/881	2023	10688	12711
1959	2592	14886	17478	601/131	4068/757	4669/888	1991	10818	12809
1960	3002	14633	17635	694/134	4002/750	4696/884	2308	10631	12939
1961	3052	12896	15948	772/132	3731/556	4503/688	2280	9165	11445
1962	2883	11281	14164	703/77	3792/439	4495/516	2180	7489	9669
1963	2556	10500	13056	786/81	3634/448	4420/529	1770	6866	8636
1964	2474	9022	11496	688/71	3287/291	3975/362	1786	5735	7521
1965	2497	8576	11073	715/55	3331/221	4046/276	1782	5245	7027
1966	2221	8020	10241	784/61	3631/249	4415/310	1437	4389	5826
1967	2180	7226	9406	897/70	3661/185	4558/255	1283	3565	4848
1968	2319	6583	8902	896/53	3680/195	4576/248	1423	2903	4326
1969	2559	6176	8735	958/65	3752/144	4710/209	1601	2424	4025
1970	2770	6130	8900	1114/53	3859/154	4973/207	1656	2271	3927
1971	2909	5915	8824	1083/37	3847/128	4930/165	1826	2068	3894
1972	3064	5824	8888	1090/53	3919/130	5009/183	1974	1905	3879
1973	3345	5764	9109	1205/60	3779/100	4984/160	2140	1985	4125
1974	3489	5728	9217	1271/69	3884/111	5155/180	2218	1844	4062
1975	3722	5934	9656	1381/57	4010/131	5391/188	2341	1924	4265
1976	3897	6035	9932	1387/62	3945/144	5332/206	2510	2090	4600
1977	3986	5992	9978	1542/66	4179/120	5721/186	2444	1813	4257
1978	3980	5958	9938	1743/84	4214/156	5957/240	2237	1744	3981
1979	4050	6049	10099	1748/58	4255/113	6003/171	2302	1794	4096
1980	4173	6003	10176	1816/56	4400/103	6216/159	2357	1603	3960
1982	4611	6221	10832	1812/71	3805/70	5617/141	2799	2416	5215
1983	5025	7027	12052	1933/64	4029/101	5962/165	3092	2998	6090
1984	4774	6476	11250	1916/71	4219/130	6135/201	2858	2257	5115
1985	4849	6608	11457	1991/81	4034/119	6025/200	2858	2574	5432
1986	4999	6917	11916	1773/80	3114/117	4887/197	3226	3803	7029
1987	5278	6845	12123	1751/81	3139/126	4890/207	3527	3706	7233
1988	4891	6112	11003	1866/70	2954/118	4820/188	3025	3158	6183
1989	4391	5603	9994	1903/82	2937/76	4840/158	2488	2666	5154
1990	3981	5110	9091	1960/48	3112/78	5072/126	2021	1998	4019
1991	3391	4833	8224	1957/51	3029/64	4986/115	1434	1804	3238
1992	2965	4369	7334	2326/61	3358/66	5684/127	639	1011	1650
1993	2411	3605	6016	2913/52	4137/69	7050/121	- 502	- 532	- 1034
1994	2315	3506	5821	3179/41	4341/67	7520/108	- 864	- 835	- 1699

1995	2128	3264	5392	3036/44	4153/50	7189/94	– 908	– 889	– 1797
1996	2017	3087	5104	2850/29	3796/48	6646/77	– 833	– 709	– 1542
Итого	128329	269328	397657	57600/ 2618	142943/ 7698	200543/ 10316	70729	126385	197114

Источник: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 85. Л. 48–50об; Д. 87. Л. 42–44об; Д. 93. Л. 33–35об; Д. 100. Л. 36–38об; Д. 107. Л. 30–32об; Д. 115. Л. 27–29об; Д. 123. Л. 24–26об; Д. 131. Л. 45–47об; Д. 162. Л. 40–42об; Д. 171. Л. 37–39об; Д. 191. Л. 35–38об; Д. 205. Л. 50–52об; Д. 216. Л. 48–50об; Д. 288. Л. 43–45об; Д. 239. Л. 29–32об; Д. 270. Л. 40–42об; Д. 280. Л. 43–45об; Д. 291. Л. 37–39об; Д. 321. Л. 41–43об; Д. 332. Л. 39–41об; Д. 344. Л. 52–54об; Д. 376. Л. 77–79об; Д. 388. Л. 84–86об; Д. 408. Л. 57–59об; Д. 417. Л. 50–52об; Д. 427. Л. 58–60об; Д. 438. Л. 55–57об; Д. 446. Л. 52–55об; Д. 454. Л. 39–41об; Д. 461. Л. 7–9; Д. 468. Л. 7–9; Д. 475. Л. 14–16; Д. 483. Л. 7–9; Д. 491. Л. 7–12; Д. 501. Л. 7–12; Д. 512. Л. 7–12; Д. 521. Л. 7–12; Д. 532. Л. 7–12.

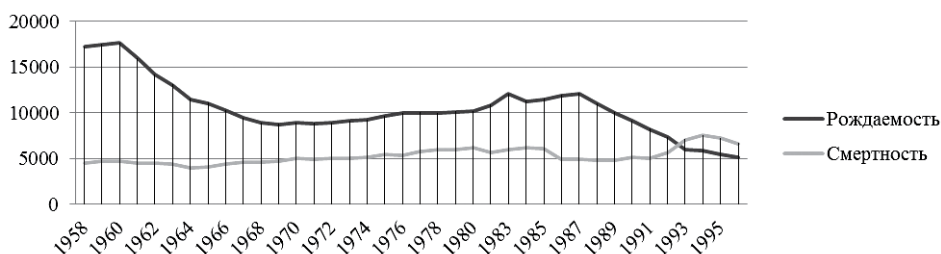

Рис. 1. Рождаемость и смертность у удмуртов Удмуртии в 1958–1996 гг., чел.

В наибольшей степени сокращение рождаемости у удмуртов проявилось в сельской местности. Можно было бы связать это с происходившей урбанизацией. Но более чем двукратное падение рождаемости за 1960-е гг. в сельской местности не компенсировалось увеличением рождаемости в городах, куда перебирались удмурты (более того, в городах число рождений сократилось с 3 тыс. до 2,5 тыс. чел.). Да и число сельских удмуртов в 1959–1970 гг. уменьшилось всего на 10,2 % (табл. 1).

Причины резкого падения рождаемости следует искать, скорее всего, в распространении внутрисемейного регулирования деторождения. Об этом свидетельствовало существенное уменьшение средних размеров семьи. В 1959 г. 40,3 % семей, где глава относился к удмуртам, были из 5 человек и более. В 1979 г. таких больших семей было лишь 27,8 %. Правда, в последнем случае речь идет о семьях, в которых все были удмуртами [ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 318. Л. 2; Д. 632. Л. 32].

Аборты как один из способов регулирования деторождения до ноября 1955 г. были запрещены, но затем Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещения аборт» производство операции искусственного прерывания беременности было разрешено всем женщинам при отсутствии медицинских противопоказаний. Количество аборт стало резко нарастать (табл. 3). Особенно выросло их число на селе: сельским женщинам было сделано в 1962 г. в 4,5 раза аборт больше, чем в 1955 г.; городским – в 3 раза. Тем не менее в городах прерывали беременность чаще, чем в сельской местности (например, в 1962 г. –

в 3 раза). К сожалению, данные Статуправления УАССР по абортам не отражают их распределение по национальностям, поэтому можно лишь предположить, что среди удмуртов количество прерываний беременности также было значительным. Не удалось и в архивных материалах статистических органов обнаружить сведения о количестве абортос после 1962 г.

Таблица 3

Количество произведенных абортос в Удмуртской АССР

	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962
Всего по республике	17760	31131	36512	43790	45896	48936	55594	59125
Городская местность	14406	23914	26995	30709	32214	35171	40222	43893
Сельская местность	3354	7217	9517	13081	13682	13765	15372	15232

Источники: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 87. Л. 84; Д. 107. Л. 66.

По мнению статистиков того периода, ссылающихся на заявления работников женских консультаций и роддомов, женщин толкали на аборты недостаток детских учреждений и стесненные жилищные условия [ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 100. Л. 68]. Однако свою роль, очевидно, сыграла и социально-экономическая политика, проводившаяся в стране. В конце правления Н. С. Хрущева стали очевидными провалы в аграрном реформировании страны [см. напр.: Зеленин 2001; Никонов 1995].

Распространению индивидуального регулирования деторождения способствовал существенный рост образовательного уровня населения. В частности, в 1959 г. на каждую тысячу населения Удмуртской АССР в возрасте 10 лет и старше приходилось 27 удмуртов с общим средним образованием, 28 – со средним специальным, 6 – с высшим. К 1970 г. эти цифры выросли до 64, 39 и 15 чел. соответственно [ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 491. Л. 21].

С 1970 г. у удмуртов начался устойчивый рост рождаемости, продолжавшийся до 1983 г. (некоторое падение по сравнению с предыдущим годом наблюдалось лишь в 1971 и 1978 гг.). За 1970–1983 гг. он составил 38 %. Особенно большой скачок случился в 1983 г. В большей степени этот рост был поддержан городскими удмуртами. У них за этот период рождаемость выросла почти в 2 раза: если в 1969-м в городах родилось 2559 удмуртов, то в 1983-м – 5025.

С 1988 г. началось лавинообразное падение рождаемости, обусловленное трансформационными процессами: распад СССР и радикальные реформы нач. 1990-х). К 1996 г. рождаемость сократилась более чем наполовину, упав до исторического минимума. При этом в сельской местности падение, хотя и началось раньше (с 1987 г.), было меньшим, чем в городах, что было характерно и для всего населения Республики. Очевидно, что в условиях резкого снижения уровня жизни, на селе было больше возможностей для самообеспечения.

При рассмотрении рождаемости ученые используют также относительные показатели, позволяющие провести сравнительный анализ. Поскольку Статистическое управление Удмуртии такие показатели составляло в отношении всего населения Республики, для удмуртов пришлось рассчитать их самостоятельно. Сделать это удалось лишь по отношению к переписным годам, когда была известна точная численность каждой этнической группы.

При этом общие коэффициенты высчитывались путем деления абсолютного числа родившихся по каждой национальности за 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. на численность данной этнической группы в Республике на начало соответствующего года и умножения полученного результата на 1000. Ценность произведенных расчетов несколько снижают следующие моменты. Во-первых, в делителе оказалась численность на начало года, т.е. на момент проведения переписей, хотя общие коэффициенты высчитываются делением на среднегодовую численность населения. Во-вторых, были смешаны не полностью сопоставимые данные переписей и текущей статистики. Наконец, специалисты считают необходимым при анализе демографических процессов для предотвращения искажения использовать не общие коэффициенты рождаемости и смертности, а стандартизированные. Однако, на наш взгляд, эти моменты несильно снижают ценность проведенных расчетов, поскольку за год численность менялась незначительно, а стандартизированные коэффициенты, как правило, применяются, когда сравнивается население разных территорий либо разных периодов [Методы стандартизации...]. Зато в нашем случае появилась возможность не только оценить динамику рождаемости у удмуртов за разные годы, но и сравнить ее с аналогичными показателями у русских и татар республики. Результаты расчетов представлены в табл. 4.

Таблица 4

**Общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста
у русских, удмуртов и татар Удмуртии, на 1000 чел.**

Год		Рождаемость			Смертность			Естественный прирост		
		Городские поселения	Сельская местность	Вся республика	Городские поселения	Сельская местность	Вся республика	Городские поселения	Сельская местность	Вся республика
1959	русские	24,3	29,3	26,4	7,5	9,9	8,5	16,8	19,4	17,9
	удмурты	29,5	38,4	36,7	6,8	10,5	9,8	22,6*	27,9	26,9
	татары	31,4	33,3	32,1	7,2	8,5	7,6	24,3*	24,8	24,5
1970	русские	15,8	13,7	15,2	8,3	11,1	9,1	7,5	2,6	6,1
	удмурты	20,4	17,6	18,4	8,2	11,1	10,3	12,2	6,5	8,1
	татары	17,0	11,2	15,8	6,8	7,4	6,9	10,2	3,8	8,9
1979	русские	16,6	16,3	16,5	10	14,4	11	6,6	2,0	5,6
	удмурты	22,4	20,2	21,0	9,7	14,2	12,5	12,7	6,0	8,5
	татары	18,8	17	18,5	9,1	11,4	9,5	9,7	5,6	9,0
1989	русские	14,6	16,3	15,0	9,3	11,4	9,7	5,4	4,9	5,3
	удмурты	19,8	20,4	20,1	8,6	10,7	9,7	11,2	9,7	10,4
	татары	18,1	17,3	18,0	8,8	9,3	8,8	9,3	8,0	9,2

Источник: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 376. Л. 78-79об; Д. 468. Л. 8-9; 14; 15.

* Цифра не совпадает с разницей между рождаемостью и смертностью из-за округления.

За 1959–1989 гг. относительная рождаемость сократилась у удмуртов в 1,8 раза, т.е. несколько сильнее, чем абсолютная. При этом в городах сокращение составило 1,5 раза, а на селе – 1,9. Такой сильный разброс объясняется высоким уровнем рождаемости в сельской местности в 1959 г.: он превысил коэффициент рождаемости в городах Удмуртской АССР на 8,9 промилле. У русских и татар сокращение составило те же 1,8 раза, однако отклонение от средней по республике цифры по городским поселениям и сельской местности было менее заметным.

За весь рассматриваемый период относительная рождаемость у удмуртов была выше, чем у татар (находились на 2 месте) и русских (на 3 месте), причем и в городах, и сельской местности. При этом у всех трех национальностей рождаемость в 1959 и 1989 гг. была выше в сельской местности, а в 1970 и 1979 гг. – в городах. Это объясняется, скорее всего, активным привлечением в 1960–1970-е гг. жителей сел и деревень для работы на заводах, что увеличивало среди горожан долю лиц репродуктивного возраста.

Далее проанализируем смертность. На протяжении кон. 1950–1960-х гг. число умерших удмуртов было относительно стабильным и колебалось в пределах 4–4,7 тыс. чел. в год. На 1964 г. пришелся минимум, а затем начался неуклонный рост вплоть до 1980 г. (кроме незначительного падения в 1971, 1973, 1976 гг.). Особенно сильно выросла смертность за 1970-е гг.: ежегодно умирало в среднем 5346 чел., т.е. на 907 чел. больше, чем в 1960-е гг.

В 1980-е гг. в среднем за год умирало уже 5488 чел., или на 142 чел. больше, чем в предыдущее десятилетие. Однако с началом перестройки смертность среди удмуртов резко пошла на убыль. Если в 1985 г. снижение было еще не очень большим, то в следующем году умерло на 1138 чел. меньше. Это было самое значительное падение смертности за все время, на которое мы располагаем данными. По нашему мнению, столь заметное снижение смертности было обусловлено антиалкогольной кампанией. И у русских, и у удмуртов, и у татар смертность упала сильнее всего в сельской местности, положительно сказалась на мужчинах: у всех трех этносов наблюдалось большее снижение смертности в сравнении с женщинами. Если же говорить о смертности на протяжении всей кампании, то в наибольшей степени она снизилась у мужчин-удмуртов [Уваров 2016, 139].

Большое влияние на показатели общей смертности титульной нации в Республике оказывала динамика младенческой смертности. В кон. 1950-х гг. в структуре умерших 19,3 % составляли дети в возрасте до одного года. Благодаря успехам медицины этот показатель уменьшался и в пер. пол. 1990-х гг. составил 1,7 %. Если в 1958 г. умер 881 младенец, то в 1996 г. из родившихся умерло 77, т.е. более чем в 11 раз меньше. Наибольшее снижение младенческой смертности наблюдалось в 1960-е гг.

Относительная смертность, рассчитанная, как и относительная рождаемость, приведена в табл. 4. У удмуртов в Республике она была самой высокой (лишь в 1989 г. с ними сравнялись русские), у татар – самой низкой. Однако в городах коэффициент относительной смертности у удмуртов был одним из самых низких (в 1959 и 1989 гг. – самый низкий, в 1970 и 1979 гг. – на 2-м месте). Это говорит, скорее всего, о более молодом возрастном составе. Относительная смертность в городских поселениях была ниже не только у удмуртов, но и у других

этнических групп, что может объясняться и более качественным медицинским обслуживанием.

Что касается естественного прироста у удмуртов, то очень долгое время его обеспечивала сельская местность, причем в кон. 1950–1960-х гг. ее вклад был определяющим. «Переломным» стал 1972-й год, когда естественный прирост удмуртов в городах превысил прирост в сельской местности. Однако это превышение было незначительным. В 1986–1992 гг. (кроме 1990 г.) на селе вновь рождалось больше, чем умирало. С 1993 г. естественный прирост сменился убылью населения, как в городах, так и в сельской местности. За 4 года (1993–1996 гг.) в республике умерло на 6072 удмуртов больше, чем родилось. В целом за 1958–1996 гг. (без 1981 г.) естественный прирост удмуртов в Удмуртии составил 197114 чел.

Коэффициент естественного прироста у удмуртов был намного выше, чем у русских. С татарами наблюдался паритет: в 1959 и 1989 гг. удмурты немного опередили татар, в 1970 и 1979 гг. – уступили. Однако в сельской местности относительный показатель естественного прироста у удмуртов был выше, чем у других.

Зная результаты естественного прироста, можно оценить масштабы ассимиляции удмуртов во вт. пол. XX в. Для этого сопоставим данные переписей и текущей статистики. Как указывалось выше, текущая статистика определяла национальность родившегося по национальности матери. Во время переписи она записывалась по самоопределению. Не все представители той или иной этнической общности сохраняли национальную идентичность, полученную при рождении. Так что ассимиляция происходила, когда при переписи называлась другая национальность.

По материалам переписей, в 1959–1989 гг. удмуртов в Республике оказалось больше на 20609 чел. Согласно данным текущей статистики, за 1959–1988 гг. (1989 г. в расчеты не вошел, поскольку перепись проводилась в январе), естественный прирост составил у удмуртов 176414 чел. (табл. 2). Отчасти получившаяся разница была, конечно, вызвана внешней миграцией. Определить ее размеры по имеющимся источникам непросто. Однако, как удалось выяснить, в 1970–1980-е гг. сальдо внешней миграции было положительным, т.е. в Удмуртию прибывало удмуртов больше, чем выбывало за пределы республики [Уваров 2017, 174]. В 1960-е гг., по мнению Г. К. Шкляева, удмурты напротив, больше выезжали за пределы республики. Основная масса мигрирующих удмуртов направлялась в сельскохозяйственные районы страны, прежде всего, в Казахстан и юг России [Удмурты 1993, 59–60]. Поэтому в целом за 1959–1989 гг. сальдо внешней миграции было, скорее всего, незначительным, и, соответственно, она не сильно повлияла на изменение численности удмуртов в республике. То есть полученное расхождение между данными переписями и естественным приростом будет означать размеры ассимиляции, хотя тут нужно еще учитывать возрастной фактор.

Таким образом, в выводах отметим очень высокую рождаемость у удмуртов (которая была выше, чем у русских или татар республики) и в городах, и в сельской местности. Смертность также была выше, хотя в городских по-

селениях коэффициент относительной смертности у удмуртов был одним из самых низких. Тем не менее благодаря более высокой рождаемости естественный прирост у удмуртов был намного выше, чем у русских за весь рассматриваемый период, а татарам удмурты уступили лишь в 1970 и 1979 гг. С 1993 г. началась естественная убыль удмуртского населения, а когда она закончилась, определить не удалось: в архиве хранятся сведения о рождаемости и смертности по 1996 г. включительно.

Еще один вывод заключается в том, что естественная убыль даже в 1990-е гг. (по меньшей мере, до 1996 г.) не была основной причиной сокращения численности удмуртов. По данным переписей, в 1989–2002 гг. численность удмуртов уменьшилась на 35938 чел., а по данным текущей статистики за 1989–1996 гг. она выросла на 7989 чел. Сомнительно, чтобы за шесть лет (1997–2002 гг.) смертность удмуртов превысила рождаемость почти на 44 тыс. чел. То есть основной причиной сокращения численности удмуртов в новейший период необходимо признать ассимиляцию.

Ассимиляция – главная причина, по которой численность удмуртов во 2-м пол. XX в. не росла вслед за естественным приростом. В целом в результате превышения рождаемости над смертностью за 1958–1996 гг. (без 1981 г.) естественный прирост у удмуртов в Удмуртии составил 197114 чел. Тем не менее, по данным переписей, численность удмуртов увеличилась за 1959–1989 гг. лишь на 20609 чел., а за 1959–2002 гг. – сократилась на 15329 чел.

ЛИТЕРАТУРА

Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Этнография удмуртов: Учебное пособие по краеведению. Ижевск: Удмуртия, 1997. 248 с.

Воронцов В. С. Определение своей этнической принадлежности подростками в национально смешанных семьях // Вестник Удмуртского университета. 1997. № 8. С. 113–133.

Воронцов В. С. Проблемы национальной и языковой идентификации подростков из этнически смешанных семей Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. 1999. № 4. С. 45–48.

Ежова Н. Н. Рождаемость в Удмуртии и ее этнические особенности // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. 2014. № 2. С. 20–23.

Ежова Н. Н., Стрелков Н. С. Исторический очерк демографических процессов финно-угорских народов России за истекшее столетие // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. 2010. № 3. С. 11–14.

Естественное движение населения Удмуртской Республики за 1939–2016 гг. [Эл. ресурс]. URL: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/ru/statistics/population/
Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М.: Ин-т российской истории РАН, 2001. 304 с.

Куликов К. И. Большие проблемы «малого народа» // Наука Урала. 1988. 11 августа.

Логина Н. Н., Реброва Т. П. Динамика численности финно-угорских народов // Финно-угорский мир. 2013. № 3. С. 89–97.

Методы стандартизации общих показателей естественного движения населения [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d000/i000050r.htm.

Мясникова А. Б. Демографические потери финно-угорского мира в конце XX – начале XXI веков // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 96–101.

Никонов А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. 574 с.

Об этнических особенностях смертности населения Удмуртской Республики в современных условиях [Эл. ресурс]. URL: <http://rmias.udmmed.ru/docs/ObEtnichOsobSmer.doc>.

Поздеев И. Л. Этническая социализация в доиндустриальном и современном обществе: опыт и проблемы преемственности (на примере удмуртского этноса): монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2007. 232 с.

Сумачева М. В. Этнические процессы на Урале во второй половине XX века: монография. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2009. 257 с.

Уваров С. Н. Антиалкогольная кампания М. С. Горбачева в Удмуртии: этнодемографический аспект // Вестник Оренбургского гос. пед. Ун-та. Эл. научный журнал. 2016. № 3. С. 132–143.

Уваров С. Н. Этническая миграция в Удмуртии в 1970–1980-е годы: историко-статистический анализ // Вестник Оренбургского гос. пед. Ун-та. Эл. научный журнал. 2017. № 1. С. 160–179.

Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки / науч. ред. А. Е. Загребин. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2012. 288 с.

Удмурты: историко-этнографические очерки / науч. ред. В. В. Пименов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. 392 с.

Фаузер В. В. Финно-угорские народы в современном мире // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 3. С. 111–125.

Финно-угорский мир: информационно-статистический сборник. Сыктывкар: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми, 2012. 108 с.

Христолюбова Л. С. Этнодемографические процессы в Удмуртии // Феномен Удмуртии. М.-Ижевск: Удмуртия, 2002. Т. 3: Идеология этнической мобилизации, кн. 1: Удмуртское национальное движение. С. 38–49.

Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 303. Пол и возраст всего населения и состоящих в браке по отдельным национальностям по Удмуртской АССР (по данным переписи населения 1959 г.).

ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 318. Распределение семей по их размерам и по национальности и возрасту глав семей (по данным переписи населения 1959 г.).

ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 491. Сводные статтаблицы ЦСУ СССР о распределении населения основных национальностей по полу, возрасту, языку, образованию и состоянию в браке по Удмуртской АССР.

ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 632. Статистический сборник «Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства, состояние в браке, число и состав семей в Удмуртской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.)».

ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 100. Указания ЦСУ СССР, РСФСР и итоги годовой разработки по естественному движению населения за 1961 год.

Чернышева И. В. Этнодемографические процессы в Удмуртской Республике, 1989–1999 гг.: дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2001. 247 с.

Шабаетов Ю. П. Этнодемографическое развитие коми в контексте демографических процессов у финно-угорских народов Российской Федерации. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук, 2005. 32 с.

Lallukka S. The East Finnic Minorities in the Soviet Union: An Appraisal of the Erosive Trends. Helsinki: Soumal. tiedeakat., 1990. 344 p.

Поступила в редакцию 17.11.2017

Уваров Сергей Николаевич,
кандидат исторических наук,
ФГБОУ ВО «Ижевская государственная сельскохозяйственная академия»
426069, Россия, г. Ижевск, ул. Студенческая, 11
E-mail: sergey.uvarov@mail.ru

S. N. Uvarov

Demographic and Assimilation Processes Among the Udmurts in the Second Half of the XX century

The paper analyzes the demographic processes (birth rate, death rate, natural in-crease) and assimilation processes among the Udmurts of the Udmurt Republic from 1958 to 1996 on the basis of a significant array of statistical data. During this period, the number of births among the Udmurts decreased more than threefold. Particularly, the birth rate fell significantly in the 1960s and in the first half of the 1990s. Mortality grew steadily throughout the period under review, reaching heights in the 1970s. However, from time to time there were decreases in mortality, the most noticeable occurring during the years of perestroika as a result of the anti-alcohol campaign. In 1993, the natural increase in Udmurts was replaced by a decrease. In general, as a result of the excess of fertility over mortality in 1958–1996, the natural increase in Udmurts in Udmurt Republic was 197,114 people. According to the census data, the number of Udmurts decreased by 15329 people in the republic during 1959–2002. Therefore, we can assume that they were actively involved in the assimilation processes. Also, relative values have been calculated in the paper, and a comparative analysis of the birth rate, mortality and natural increase in Russians, Udmurts and Tatars of Udmurtia in 1959, 1970, 1979 and 1989 has been carried out. The birth rate among the Udmurts of the republic was much higher than that of Russians or Tatars, both in cities and in rural areas during the whole period under review. Mortality was also higher, although in the urban settlements the ratio of relative mortality in Udmurts was one of the lowest. The natural increase was much higher than that of the Russians during the whole period under review. With the Tatars, equality was observed: in 1959 and 1989, the Udmurts slightly outstripped the Tatars, in 1970 and 1979, the Udmurt lost to the Tatars.

Keywords: ethno-demographic processes, population, Finno-Ugric peoples, Udmurts, Udmurtia, fertility, mortality, natural increase, assimilation.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2017, vol. 11, issue 4, pp. 107–122. In Russian.

REFERENCES

Vladykin V. E., Khristolyubova L. S. *Etnografiya udmurtov: Uchebnoe posobie po kraevedeniyu* [Ethnography of the Udmurts: A Study Guide on Local Lore]. Izhevsk, Udmurtiia Publ., 1997. 248 p. In Russian.

Vorontsov V. S. *Opreделение svoei etnicheskoi prinadlezhnosti podrost-kami v natsional'no smeshannykh sem'yakh* [The definition of their ethnicity by adolescents in the

national mixed families]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 1997, no. 8, pp. 113–133. In Russian.

Vorontsov V. S. Problemy natsional'noi i yazykovoi identifikatsii podrostkov iz etnicheskoi smeshannykh semei Udmurtii [Problems of national and linguistic identification of adolescents from ethnically mixed families in Udmurtia]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 1999, no. 4, pp. 45–48. In Russian.

Ezhova N. N. Rozhdaemost' v Udmurtii i ee etnicheskie osobennosti [Fertility in Udmurtia and its ethnic characteristics]. *Zdorov'e, demografiya, ekologiya finno-ugorskikh narodov* [Health, demography, ecology of the Finno-Ugric peoples], 2014, no. 2, pp. 20–23. In Russian.

Ezhova N. N., Strelkov N. S. Istoricheskii ocherk demograficheskikh protsessov finno-ugorskikh narodov Rossii za istekshee stoletie [A historical sketch of the demographic processes of the Finno-Ugric peoples of Russia over the past century]. *Zdorov'e, demografiya, ekologiya finno-ugorskikh narodov* [Health, demography, ecology of the Finno-Ugric peoples], 2010, no. 3, pp. 11–14. In Russian.

Estestvennoe dvizhenie naseleniya Udmurtskoi Respubliki za 1939–2016 gg. [The natural movement of the population of the Udmurt Republic during 1939–2016]. URL: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/ru/statistics/population/. In Russian.

Zelenin I. E. *Agrarnaya politika N. S. Khrushcheva i sel'skoe khozyaistvo* [N. S. Khrushchev's Agrarian Policy and Agriculture]. Moscow, In-t rossiiskoi istorii RAN Publ., 2001. 304 p. In Russian.

Kulikov K. I. Bol'shie problemy «malogo naroda» [Big problems of a “minority people”]. *Nauka Urala* [Science of the Urals], 1988, 11 avgusta. In Russian.

Loginova N. N., Rebrova T. P. Dinamika chislennosti finno-ugorskikh narodov [Dynamics of the number of the Finno-Ugric peoples]. *Finno-ugorskii mir* [The Finno-Ugric World], 2013, no. 3, pp. 89–97. In Russian.

Metody standartizatsii obshchikh pokazatelei estestvennogo dvizheniya naseleniya [Methods for standardization of general vital signs of population]. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d000/i000050r.htm. In Russian.

Myasnikova A. B. Demograficheskie poteri finno-ugorskogo mira v kontse XX – nachale XXI vekov [Demographic losses of the Finno-Ugric world in the late XX – early XXI centuries]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2015, no. 2, pp. 96–101. In Russian.

Nikonov A. A. *Spiral' mnogovekovoï dramy: agrarnaya nauka i politika Rossii (XVIII–XX vv.)* [Spiral of the centuries-old drama: agrarian science and politics of Russia (XVIII–XX centuries)]. Moscow, Entsiklopediya rossiiskikh dereven' Publ., 1995. 574 p. In Russian.

Ob etnicheskikh osobennostyakh smertnosti naseleniya Udmurtskoi Respubliki v sovremennykh usloviyakh [On the ethnic characteristics of mortality of the population of the Udmurt Republic under modern conditions]. URL: <http://rmiac.udmmed.ru/docs/ObEtnichOsobSmer.doc>. In Russian.

Pozdeev I. L. *Etnicheskaya sotsializatsiya v doindustrial'nom i sovremennom obshchestve: opyt i problemy preemstvennosti (na primere udmurtskogo etnosa)* [Ethnic socialization in a pre-industrial and modern society: experience and problems of continuity (on the example of the Udmurt ethnos)]: Monograph. Izhevsk, UIIYaL UrO RAN Publ., 2007. 232 p. In Russian.

Sumacheva M. V. *Etnicheskie protsessy na Urale vo vtoroi polovine XX veka* [Ethnic processes in the Urals in the second half of the XXth century]: Monograph. Ekaterinburg, GOU VPO «Rossiiskii gosudarstvennyi professional'no-pedagogicheskii universitet» Publ., 2009. 257 p. In Russian.

Uvarov S. N. Antialkohol'naya kampaniya M. S. Gorbacheva v Udmurtii: etnodemograficheskii aspekt [M. Gorbachev's anti-alcohol campaign in Udmurtia: an ethno-demographic aspect]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic academic journal], 2016, no. 3, pp. 132–143. In Russian.

Uvarov S. N. Etnicheskaya migratsiya v Udmurtii v 1970–1980-e gody: istoriko-statisticheskii analiz [Ethnic migration in Udmurtia in the 1970s-1980s: historical and statistical analysis]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic academic journal], 2017, no. 1, pp. 160–179. In Russian.

Udmurtskaya Respublika: istoriko-etnograficheskie ocherki [The Udmurt Republic: historical and ethnographic essays]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN Publ., 2012. 288 p. In Russian.

Udmurty: istoriko-etnograficheskie ocherki [The Udmurts: historical and ethnographic essays]. Izhevsk, UIIYaL UrO RAN Publ., 1993. 392 p. In Russian.

Fauzer V. V. Finno-ugorskie narody v sovremennom mire [The Finno-Ugric peoples in the modern world]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2011, no. 3, pp. 111–125. In Russian

Finno-ugorskii mir: informatsionno-statisticheskii sbornik [The Finno-Ugric world: information-statistical digest]. Syktyvkar, Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Respublike Komi Publ., 2012. 108 p. In Russian.

Khristolyubova L. S. Etnodemograficheskie protsessy v Udmurtii [Ethnodemographic processes in Udmurtia]. *Fenomen Udmurtii* [The Phenomenon of Udmurtia]. Moscow-Izhevsk, Udmurtiya Publ., 2002. T. 3: Ideologiya etnicheskoi mobilizatsii [The ideology of ethnic mobilization], kn. 1: Udmurtskoe natsional'noe dvizhenie [The Udmurt national movement], pp. 38–49. In Russian.

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki (hereinafter – TsGA UR) [The central state archive of the Udmurt Republic]. F. R-845. Op. 5. D. 303. Pol i vozrast vsego naseleniya i sostoyashchikh v brake po otdel'nym natsional'nostyam po Udmurtskoi ASSR (po dannym perepisi naseleniya 1959 goda) [Sex and age of the whole population and those who are married according to national identities in the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic (according to the 1959 census data)]. In Russian.

TsGA UR. F. R-845. Op. 5. D. 318. Raspredelenie semei po ikh razmeram i po natsional'nosti i vozrastu glav semei (po dannym perepisi naseleniya 1959 g.) [Classification of families according to their sizes, and the national identity and age of the head of the household (according to the 1959 census data)].

TsGA UR. F. R-845. Op. 5. D. 491. Svodnye sttablitsy TsSU SSSR o raspredelenii naseleniya osnovnykh natsional'nostei po polu, vozrastu, yazyku, obrazovaniyu i sostoyaniyu v brake po Udmurtskoi ASSR [Object summaries of the TsSU, USSR, on the population distribution of the main national identities according to sex, age, education and marriage status in the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic].

TsGA UR. F. R-845. Op. 5. D. 632. Statisticheskii sbornik «Prodolzhitel'nost' prozhivaniya naseleniya v meste postoyannogo zhitel'stva, sostoyanie v brake, chislo i sostav semei v Udmurtskoi ASSR (po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1979 g.)» [Statistical digest “Duration of the population residence, marriage status, number and family composition in the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic (according to the 1979 census data)”].

TsGA UR. F. R-845. Op. 7. D. 100. Ukazaniya TsSU SSSR, RSFSR i itogi godovoi razrabotki po estestvennomu dvizheniyu naseleniya za 1961 god [The 1961 Instructions of the TsSU, USSR, Russian SFSR and the results of the one-year developing on the natural movement of the population]. In Russian.

Chernysheva I. V. *Etnodemograficheskie protsessy v Udmurtskoi Respublike, 1989–1999 gg.: Dis. kand. ist. nauk* [Ethno-demographic processes in the Udmurt Republic, 1989–1999. Cand. hist. sci. diss]. Izhevsk, 2001. 247 p. In Russian.

Shabaev Yu. P. *Etnodemograficheskoe razvitie komi v kontekste demograficheskikh protsessov u finno-ugorskikh narodov Rossiiskoi Federatsii* [Ethno-demographic development of the Komi in the context of demographic processes of the Finno-Ugric peoples of the Russian Federation]. Syktyvkar, Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnyi tsentr Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2005. 32 p. In Russian.

Lallukka S. *The East Finnic Minorities in the Soviet Union: An Appraisal of the Erosive Trends*. Helsinki, Soumal. tiedekat. Publ., 1990. 344 p. In Finnish

Received 17.11.2017

Uvarov Sergey Nikolaevich,
Candidate of Sciences (History),
Izhevsk State Agricultural Academy
11, ul. Studencheskaya, Izhevsk, 426069, Russian Federation
e-mail: sergey.uvarov@mail.ru